

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL

П.М. и С.М. ТРЕТЬЯКОВЫ: В ОРБИТЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ УМОНАСТРОЕНИЙ

DOI: 10.25629/НС.2018.08.01

ЮДЕНКОВА Т.В.

Государственная Третьяковская галерея. Москва

Аннотация. Становление московских купцов, основателей Третьяковской галереи братьев Павла и Сергея Третьяковых пришлось на период либерализации в истории России в середине XIX века. В это время славянофильство и западничество создавали основу для возрождения национальной традиции в развитии страны. В 1850–1860-е годы славянофилы (И.С. Аксаков, А.И. Кошелев, Ф.В. Чижов, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, князь А.А. Щербатов и другие) сделали ставку на московских купцов, они разработали способы поддержки национальной промышленности и банковского дела, укреплению отечественного рынка. Их политика привела к расцвету русской промышленности и культуры на рубеже XIX–XX столетий. В русле этих процессов набирала обороты предпринимательская и общественная деятельность Третьяковых, связанная в том числе со Славянским благотворительным комитетом, членами которого они были с конца 1860-х. О близости Третьяковых к славянофильскому образу мысли свидетельствует и круг их контактов в московской думе, также тесное общение с И.С. Аксаковым.

Ключевые слова: Павел и Сергей Третьяковы, текстильная промышленность 19 века, славянофильство, московские купцы, И.С. Аксаков, славянофилы, Славянский благотворительный комитет, Московская городская дума 1860-е – 1870-е, русско-турецкая война 1877-1878, славянофильская идея, балканский кризис.

Введение

Становление Павла (1832-1898) и Сергея (1834-192) Третьяковых, коренных москвичей, купцов, предпринимателей, благотворителей, основателей Третьяковской галереи пришлось на середину XIX столетия – период Александровских реформ – эпоху либерализации в истории России. В столице русского купечества начался активный процесс освоения новых сфер жизни, внедрение достижений европейской культуры в экономику, торговлю, просвещение, строительство, благотворительность. В то же время Первопрестольная, как хранительница традиций, стала средоточием движения за возрождение национальной культуры, являя собой пример самобытности, порой сопротивляясь западным ценностям, настаивая на особом пути развития. «...Русскому купечеству выпало на долю осуществление мечты и концепции славянофилов о слиянии западного просвещения с самобытными основами русской народной культуры», – заметила видный историк искусства Е.И. Кириченко (Кириченко, 1994, с. 297).

Славянофильство и западничество – два важнейших вектора развития страны не стали взаимоисключающими, но, напротив, дополняющими друг друга, создав основу для возрождения национальной традиции, во многом способствуя расцвету русской культуры второй половины позапрошлого столетия. Если в 1840-е годы славянофилы представляли собой круг единомышленников, связанных родственными узами (семьи Киреевских, Елагиных, Аксаковых, Самариных, Гильфердингов), и главным вектором их размышлений стал поиск дальнейшего самостоятельного пути развития России, то в 1850–1860-е годы славянофилы (И.С. Аксаков, А.И. Кошелев, Ф.В. Чижов, Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, князь А.А. Щербатов и другие) сделали ставку на купечество и разрабатывали конкретные мероприятия в разных областях жизни, в

том числе в области экономики, всегда с неизменной целью – во благо отечества. В 1860–1870-е годы славянофильская мысль, славянофильское «слово» переходили в жизнь, в «дело». Но как однажды обмолвился Ю.Ф. Самарин, «в меру возможности». Они действовали настойчиво, но вместе с тем бережно и осторожно, стараясь не прерывать и не ломать исконные традиции, а обогащать их, привлекая все большее число людей. В этом состояла суть славянофильского учения (Цимбаев, 2007, с. 235).

В московском купечестве, отличавшемся мировоззренческими приоритетами, славянофилы видели патриотизм, преданность вере отцов, живую связь с «почвой», что определяло, по их мнению, будущий потенциал складывающегося сословия. Несмотря на политические и социальные провалы в жизни России, поражение в Крымской войне 1853–1856 годов, распад традиционных устоев, проникновение нигилизма и радикализма, ориентацию по многим политическим и экономическим вопросам на западную цивилизацию, мировоззренческий (христианский) и «генетический» оптимизм внушал славянофилам непоколебимую убежденность в торжестве своего дела. «Убеждения наши (славянофилов – Т.Ю.) – удел не одних людей отвлеченных, мечтателей и поэтов, но и людей, признаваемых практическими», – не уставал говорить И.С. Аксаков, исполнявший роль идейного лидера и связующего звена между дворянством и формирующимся классом капиталистов-предпринимателей (Симонова, 2002, с. 7).

Способы поддержки российского предпринимательства излагались в славянофильских журналах 1850–1860-х годов, каждый из которых существовал недолго, быстро запрещался цензурой. Вокруг первых изданий «Московский сборник», «Русская беседа», «Москва», «Москвич», «Вестник промышленности» и газет «Молва», «День», «Акционер» группировались купцы и предприниматели, заинтересованные в развитии национальной промышленности и банковского дела, в укреплении отечественного рынка и приостановке влияния иностранного капитала, в разработке протекционистских таможенных пошлин, в улучшении качества технического образования, в строительстве железных дорог, связывающих в единое экономическое целое все отрасли народного хозяйства России. С течением времени славянофилы включались в практическую деятельность. Так, И.С. Аксаков с 1869 года был членом, а с 1874-го и до конца жизни – председателем Московского купеческого общества взаимного кредита (членами-учредителями которого, в частности, являлись П.М. и С.М. Третьяковы). К началу 1880-х славянофилы стали частью одной «тысячи» дворян, которые влились в состав крупной московской буржуазии, представители которой пусть и не занимали ведущего положения в торговле и в промышленности, но владели винокурными и свеклосахарными заводами, входили в правления акционерных обществ, что, несомненно, доказывает энергичное взаимодействие славянофилов на протяжении второй половины XIX века с формирующимся классом буржуазии (Дудзинская, 1994, с. 119).

Славянофилы проводили гибкую политику. Одной из важнейших стала задача «воспитания общества», для чего привлекались люди широких взглядов, иногда и сторонники западничества. Примиряющим пунктом было стремление содействовать процветанию Отечества и его экономическому росту.

По образному выражению профессора политической экономии Московского университета И.К. Бабста, эту пору можно назвать периодом «метаморфоз буржуазии», что подразумевало уяснение купечеством своих обязанностей, обретение прав и свобод, а главное – осознание своей роли в жизни страны. В числе наиболее ярких представителей московских купцов, стоявших близко к славянофилам, обычно называют В.А. Кокорева, И.Ф. Мамонтова, К.Т. Солдатёноква, П.И. Губонина, А.К. и В.К. Крестовниковых, К.В. Рукавишника и – братьев П.М. и С.М. Третьяковых.

По существу, в Москве к середине XIX века сложился «уникальный союз славянофильски настроенного дворянства, бывшего своеобразным мозговым центром этого движения (А.С. Хомяков, братья И.С. и К.С. Аксаковы, братья И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин,

А.И. Кошелев, М.П. Погодин и др.), с русским купечеством» (Кириченко, 1994, с. 297). Результирующая траектория этих процессов привела к расцвету русской промышленности и культуры на рубеже XIX–XX столетий.

В русле этих процессов развивалась и набирала обороты предпринимательская и общественная деятельность братьев Павла и Сергея Третьяковых.

Предпринимательская деятельность Третьяковых

На рубеже 1859–1860 годов началась самостоятельная предпринимательская деятельность братьев Третьяковых. Согласно завещанию их отца именно в это время к ним перешло право ведения всех торговых дел. 1 января 1860 года они открыли «Торговый дом в образе полного Товарищества под фирмой П. и С. Братья Третьяковы и В. Коншин», контора которого располагалась в доме Третьяковых в Толмачах. При нем – «Магазин полотняных, бумажных и шерстяных товаров русских и заграничных Торгового дома П. и С. Братья Третьяковы и В. Коншин» на Ильинке, «главной артерии Китай-города», за которым «утвердилось прозвище “московского Сити”, где по примеру лондонского Сити бился пульс финансово-экономической деятельности» (Петров, 2002, с. 66).

В 1866 году в Костроме, была основана мануфактура братьев Третьяковых, получившая название Ново-Костромская льняная мануфактура (НКЛМ). В разные годы НКЛМ производила пряжу, столовое и постельное белье, скатерти, мешковину, холсты, брезенты, позже она стала поставщиком императорского двора и царской армии. Вплоть до национализации в 1918 году производство расширилось и преумножались. В 1885 г. НКЛМ производила пряжи и ниток в 4,5 раза больше, чем полотняного товара и выходила на одно из первых мест по стране. С 1891 – Товарищество НКЛМ. В 1882 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве НКЛМ награждена серебряной медалью «за весьма хорошую выработку пряжи грубой и тонкой». На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. удостоилась самой высокой награды – «права изображения государственного герба». В 1897 году на ярмарке в Нижнем Новгороде ТНКЛМ получило «Золотую медаль» за тонкие сорта полотен и пряжи. Изделия сбывались в Москву, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую губернии. К началу XX века ей принадлежало одно из первых мест в России по качеству и количеству производимого товара.

Еще в начале 1850-х уроженцы Костромы, видные промышленники, экономические славянофилы братья А.П. и Д.П. Шиповы занялись промышленным развитием Костромского края. Они ввели в действие первые заводы, снабжавшие текстильную промышленность необходимым отечественным механическим оборудованием. Третьяковы были знакомы с Шиповыми с начала 1860-х годов, но возможно, и раньше. Быть может, они подсказали им основать фабричное производство именно в центре России, в Костроме. Шиповы осваивали развитие льняного фабричного производства. Лен представляет собой исконно русскую культуру, из которой с давних времен получали пряжу и использовали ее для выработки тканей и изделий бытового назначения. Еще в 1840-е годы, оценивая промышленную выставку в Москве, А.С. Хомяков «продвигал» старинное русское сырье на отечественный рынок, вкладывая в общественное сознание мысль о необходимости и своевременности его освоения.

В 1870-1880-е годы Павел Михайлович и Сергей Михайлович входили в группу московских фабрикантов, банкиров и торговцев, составлявших серьезный противовес петербургским промышленникам. Экономическая политика столичных чиновников сводилась к пропаганде популярнейших европейских идей свободной торговли, что, по существу, означало открытие границ иностранному товару, появление которого неминуемо вело к гибели продуктов мало конкурентного мануфактурного производства. Тактика и стратегия московских предпринимателей была направлена, прежде всего, на защиту интересов отечественной промышленности и торговли.

В последние годы жизни (1880-е) большую часть времени находясь в Петербурге, деятельный младший Третьяков был в центре экономических баталий московских и петербургских предпринимателей. Лоббируя интересы москвичей, он невольно взял на себя роль одного из

главных стратегов, выработавших политику, благоприятную для московских текстильщиков. В итоге свою роль Сергей Третьяков видел в поддержке коммерческих интересов льнопрядильщиков. В 1890 году началась борьба против ввоза иностранной пряжи в Россию: «Английские фабриканты будто бы, чтобы уничтожить в зародыше русскую фабрикацию швейной бумаги, понизили до чрезвычайности цену на нее для России», – сообщал младший Третьяков в Москву (ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3772). В это время и старший Третьяков выражал обеспокоенность тем, что «катушечные льняные нити, поступающие теперь к нам из-за границы, могут сделать сильный вред нашей (отечественной. – Т.Ю.) нитке, если не будут приняты немедленно меры» (ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3772).

Третьяковы всемерно старались способствовать развитию именно отечественной текстильной промышленности, целенаправленно вкладывали свои средства в льняное производство в центральной полосе России, предпочитая не отягощать себя лишней недвижимостью и имуществом, мешающими основному роду занятий.

Начало общественной деятельности Третьяковых

«Московский образ мысли» имел решающее, едва ли не первостепенное значение в сложении миропонимания, жизненных позиций и принципов братьев Третьяковых. С 1863 года братья Третьяковы участвовали в первом заседании Московской городской думы, где задавали тон славянофилы, которые ратовали за децентрализацию власти, за борьбу против бюрократии, требовали изменений в законодательстве, настаивали на введении свободы слова, печати, вероисповедания, гласности, ставили вопрос об улучшении просвещения и здравоохранения народа (Дудзинская, 1994, с. 3–4). «То был век богатырей», – с восхищением говорил о первом составе Думы Н.А. Найденов (Найденов, 2007, с. 421). От потомственных дворян в состав выборных вошли граф А.С. Уваров, князь А.А. Щербатов, В.А. Черкасский, Ю.Ф. Самарин, М.П. Погодин, А.И. Кошелев, В.А. Дашков, М.Н. Катков. От купеческого сословия – В.Д. Аксенов, А.К. Крестовников, В.Д. Коншин, И.А. Лямин, А.В. и Д.С. Лепешкины, П.М. Рябушинский, К.Т. Солдатёнков, П.М. и С.М. Третьяковы, Д.И. Четвериков, В.И. Якунчиков и другие, которые на протяжении долгих лет участвовали в деятельности Думы.

Исследуя общественно-политическое развитие России, исследователи то и дело упоминают рядом с именами Третьяковых ведущих славянофилов – И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, В.А. Кокорева, Ф.А. Чиждова, М.П. Погодина и других. Это далеко не полный перечень людей, примыкавших к славянофильскому крылу русской мысли. С ними П.М. и С.М. Третьяковы были знакомы, приятельствовались, жили по соседству, состояли в переписке, сталкивались в работе в учреждениях городского самоуправления.

Для понимания близости взглядов славянофилов и братьев Третьяковых важен и непосредственный круг общения, который вычитывается из воспоминаний. В 1860–1870-е годы в него входили «Черкасские, Барановы, Щербатовы, Аксаковы, Станкевичи, Самарины и Чичерины» (Зилоти, 2016, с. 154). Среди перечисленных фамилий из общепринятого ряда славянофилов выпадают имена А.В. Станкевича и Б.Н. Чичерина, историки чаще относят их к западникам. Факт контактов братьев Третьяковых с семьей Станкевичей и Чичериных расширяет представление о московском образе мысли. Супруги П.М. и В.Н. Третьяковы в 1860-е годы бывали в доме А.В. Станкевича, их связывала не только совместная благотворительная деятельность в Московском Художественном Обществе, Московском Обществе Любителей Художеств, в Арнольдовском училище для глухонемых детей, но и занятия собирательством. Чичерин, сменивший С.М. Третьякова на посту городского головы в конце жизни вспоминал: «Вся проповедь славянофилов представлялась мне чем-то странным и несообразным... Я пламенно любил Отечество и был искренним сыном православной церкви; с этой стороны, казалось бы, это учение могло бы меня подкупить...» (Чичерин, 2010, с. 145). Чичерин неслучайно подчеркивает мировоззренческую близость по сущностным позициям западников и славянофилов, об этом писали многие современники, впоследствии и исследователи. В патриотических устремлениях и верности православию признавались не только оба брата Третьяковы.

С начала 1860-х годов С.М. Третьяков, занимаясь общественной деятельностью, по долгу службы встречался со славянофилами, в том числе с А.А. Щербатовым, В.А. Черкасским, И.С. Аксаковым в учреждениях городского управления.

Частным гостем семьи П.М. Третьякова был Ю.Ф. Самарин (по соседству жила его сестра). В 1866 Самарин был помощником С.М. Третьякова в холерном комитете Московской городской думы (ОПИ ГИМ. Ф. 169. Ед. хр. 4. Л. 31, 33, 54, 55, 68.). Младший Третьяков выступил инициатором заказа его портрета для Думы, а затем навещал И.Н. Крамского в Петербурге, контролируя ход работы для портретной галереи старшего брата.

Деятельность Третьяковых в Славянском благотворительном комитете

После поражения в Крымской войне 1853-1856 годах славянофилы отказались от каких-либо политических претензий и ратовали за духовное единство православных славян. Они выступали за укрепление культурных связей, признавая права каждой народности на самобытность (Досталь, 2001, с. 92).

Свою главную миссию Славянский благотворительный комитет видел в решении просветительских и благотворительных задач, способствующих образованию славян и обеспечивающих всестороннюю поддержку православной церкви на славянских землях. В первые годы существования Комитета в него входили Ю.Ф. Самарин, братья К.С. и И.С. Аксаковы, А.И. Кошелев, А.С. Хомяков, М.П. Погодин (председатель), Ф.И. Буслаев, П.И. Бартенева, М.Н. Катков, Н.Ф. фон Крузе, С.М. Соловьев, А.Ф. Гильфердинг, Ф.В. Чижов, А.Н. Бахметьев, братья А.П. и Д.П. Шиповы и другие. В 1868 образовалось петербургское отделение Славянского комитета, в которое в разные годы входили Ф.М. Достоевский, К.Я. Грот, И.И. Срезневский, Н.Я. Данилевский, а затем – ряд отделений в провинции (Никитин, 1960, с. 45.)

Состав Комитета был достаточно широк и неоднороден. Многие из перечисленных деятелей не имели прямого отношения к славянофильскому лагерю (например, Ф.И. Буслаев, С.М. Соловьев, М.Н. Катков). Руководящая роль в Комитете, тем не менее, принадлежала славянофилам. Душой кружка был И.С. Аксаков, который всякий раз, обращаясь в Московское купеческое общество с просьбой оказать помощь в сборах на воспитание славянских студентов, на поддержку храмов, на оплату учебных пособий, на содержание педагогического персонала в странах южных и западных славян находил опору в купцах, которые охотно откликнулись пожертвованиями на воззвания лидера славянофильства. В 1858 году Аксаков удовлетворенно писал одному из своих единомышленников: «Славянский вопрос приобретает популярность в России, делается вопросом, близким нашему купечеству» (Аксаков, 1896, с. 2).

С конца 1860-х членами Славянского Комитета становятся московские купцы К.Т. Солдатёнов, Е.Е. Елишкин, И.И. Четвериков, С.П. Вишняков, Т.С. Морозов, Лепешкины, Алексеевы, Мазурины, А.К. Крестовников. Вероятно, в это время вступают и братья Третьяковы. Скорее всего, это произошло после первой Этнографической выставки 1867 года в Москве и Первого съезда славянских народов, в организации которых С.М. Третьяков участвовал вместе с И.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариним, князем А.А. Щербатовым, М.П. Погодиным, А.И. Кошелевым и другими.

По крайней мере, в 1869-м их имена уже числятся в соответствующих списках (НИОР РГБ. Ф. 231/II. Картон. 2. Ед. хр. 1. Л. 5 об.). В 1870-е годы Торговый дом братьев Третьяковых не раз выступал жертвователем на нужды Комитета.

С середины 1870-х в связи с усилением национально-освободительной борьбы в Османской империи деятельность Славянского комитета становится более открытой. В предвоенные годы С.М. Третьяков входил в группу наиболее активных членов Комитета. Одно время он даже находился под надзором Третьего отделения. (Москва–Сербия. Белград–Россия, 2011, с. 487–490.). Неслучайно в эту пору на фирменной почтовой бумаге младшего Третьякова стояла монограмма в старорусском стиле, подчеркивающая его принадлежность к определенному кругу идей (ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3653).

В период балканского кризиса Россия сплотилась в патриотическом порыве, в желании прийти на помощь славянам. «Русский народ» в письмах тех лет братья Третьяковы писали с большой буквы, что также являлось свидетельством общественного энтузиазма и народного патриотизма. П.М. Третьяков подробно описывал национальное воодушевление, подчеркивая деятельность Славянского комитета и его лидера Аксакова: «Пожертвования стекаются со всей России, врачи, фельдшеры, сестры милосердия отправляются почти каждый день... смелые статьи всех газет... в пользу немедленной помощи славянам – все как будто идет к тому, и в то же время никакого движения!» (Переписка И.Н. Крамского, 1953, с. 153). В то же время он осуждал нерешительность правительства. Его письма обнаруживают неприкрытую эмоциональность, несвойственную ему в иных ситуациях: «Когда и на какое дело Русские люди столько жертвовали капиталов, сколько жертвуют теперь? И жертвуют бескорыстно... несмотря на все неудачи и разочарования количество охотников жертвовать своей особой не уменьшается» (Переписка И.Н. Крамского, 1953, с. 158).

«Славянская идея, – писал Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя», – в высшем смысле ее, перестала быть лишь славянофильскою, а перешла вдруг вследствие напора обстоятельств в самое сердце русского общества, высказалась отчетливо в общем сознании, а в живом чувстве совпала с движением народным» (Достоевский, 1981, с. 103)

В 1876 году С.М. Третьяков вошел в члены так называемой Болгарской комиссии, обеспечивавшей силами московских промышленников поставки оружия и обмундирования для болгарского ополчения. Позже в словах Сергея Михайловича, вспоминая горячее, знаменательное время, когда все с полнейшим увлечением работали для «Святого дела», звучала гордость за то, что «задача выполнена и выполнена так, как дай Бог, чтобы все дела на Руси выполнялись» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 3 Оп. 4. Ед. хр. 616). Это письмо, несомненно, свидетельствует о том единодушии и высоком значении, которое придавали делу освобождения славян И.С. Аксаков и братья Третьяковы.

В 1880-е годы Третьяковы не прекратили делать благотворительные пожертвования (участвовали в сборах средств на строительство православных храмов в Чехии, Польше, на помощь студентам и т. д.). Нельзя не отметить инициативу С.М. Третьякова, который будучи московским городским головой, выступил с идеей строительства храма в Болгарии для вечного поминовения русских и болгарских воинов, павших в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Сергей Михайлович вошел в комитет по сооружению церкви Рождества Христова под Шипкой в Болгарии (освящена в 1902) (Юденкова, 2015, 439-445).

В 1880-е годы Третьяковы не прекратили участвовать в благотворительных пожертвованиях, в сборах на строительство православных храмов в Чехии, Польше, в помощи студентам и т. д. Однако их активность заметно снизилась, возможно, в связи с закрытием московского отделения Славянского комитета, но не следует исключать и их постепенное отдаление от идейных позиций славянофилов, принявших в эту пору, по мнению некоторых исследователей, националистическую окраску (Хевролина, 2000, с 144–151).

И.С. Аксаков и Третьяковы

В жизни братьев Третьяковых особое место занимает лидер славянофилов, публицист, общественный деятель Иван Сергеевич Аксаков. Переписка Третьяковых и Аксакова (1877–1885) свидетельствует о том, что общение было исключительно деловым, временами переходящим в приятельские отношения. Павел Михайлович порой цитировал Аксакова. Братья Третьяковы тесно общались с ним до его смерти. «Сегодня в Троицко-Сергиевой лавре похоронили Ивана Сергеевича Аксакова. Не услышим более его сильного, смелого и правдивого слова!» – с прискорбием сообщал старший Третьяков в 1886 году (Переписка И.Н. Крамского, 1953, с. 313).

Наибольшей остроты славянофильская идея национальной политики достигла в 1870-е годы. Общественно-политические взгляды Аксакова и его сторонников сводились к тому, что Россия должна решать задачи в Европе, опираясь на славянство, что внешняя политика России в отношении Балканских государств должна быть бескорыстной, они выдвигали нравственные

требования, внося «этический критерий» в политическую жизнь и программу Славянского благотворительного комитета. Именно в этот период славянофилы открыто противопоставили себя правительственному курсу.

В годы Русско-турецкой войны (1877-1878) отношения Третьяковых с Аксаковым стали более тесными, они оказывали посильную материальную помощь Славянскому комитету.

С.М. Третьяков за три месяца до начала войны был избран московским городским головой. Война потребовала от Думы, ведомой славянофильской партией, мобилизации больших финансовых вложений и человеческих усилий. Младший Третьяков проявил себя инициативным главой Думы, не переставая при этом быть членом Славянского комитета. Среди историков распространено мнение о сильнейшем влиянии славянофилов в Московской думе в 1860-е – первой половине 1870-х годов, то есть до избрания Третьякова. Принято считать, что выборы 1877 года положили конец их влиянию (Писарькова, 2010, с. 397). Однако деятельность младшего Третьякова все же ставит под сомнение утверждение авторитетных специалистов (Юденкова, 2012).

Летом 1878 года И.С. Аксаков пригласил старшего Третьякова на заседание Славянского Комитета (ОР ГТГ. Ф.1. Ед.хр. 401). Третьяков, видимо, присутствовал на заседании, где прозвучала яркая речь лидера славянофильства, воспринятая как дерзкое антиправительственное выступление. Аксаков обрушился на русскую дипломатию, осудив прозападнический политический курс России, публично заявив о пагубных последствиях решений Берлинского конгресса.

Надо сказать, что отношение царских чиновников к славянофильству не менялось на протяжении 1840-1870-х годов несмотря на то, что они порой играли весьма полезную роль в жизни государства, оказывая поддержку его внутренней и внешней политике. Всякий раз славянофильство рассматривалось как опасная политическая теория, а славянофилы, как лица неблагонамеренные (Цимбаев, 2007, с. 289). Спустя месяц после речи Аксакова Комитет был закрыт, его лидер был лишен полномочий и выслан из Москвы в село Варварино Владимирской губернии.

Реакция П.М. Третьякова на речь лидера славянофилов не известна. Однако спустя некоторое время после выступления Аксакова «в письмах Верещагину Третьяков будет дословно повторять целые обороты из этой речи, воспринимая их уже как свои собственные, настолько они соответствовали его мыслям» (Ненарокова, 1998, с. 125).

П.М. Третьяков участвовал среди немногочисленных сторонников опального лидера в его проходах на вокзале: «Три десятка друзей с невеселым видом собрались, чтобы сердечно проститься. Общество железной дороги во главе с председателем купцом Мамонтовым (Саввой Ивановичем – Т.Ю.) предоставило мужу отдельный вагон первого класса, так что переодетые сыщики не смогли проникнуть в вагон, в котором муж разместился вместе с барышнями Евреиновой, Федоровой, с Павлом Третьяковым и Павловым, провожавшими мужа до Троицы... Князь Долгоруков (губернатор Москвы – Т.Ю.) негодовал на общество за то, что оно предоставило отдельный вагон...» (Тютчева, 2008, с. 551). На резкий вопрос одного из чиновников С.И. Мамонтов отвечал: «... у нас есть традиция оказывать такой знак внимания почетным пассажирам, а Иван Сергеевич для нас почетный пассажир» (Тютчева, 2008, с. 551).

Позже П.М. Третьяков пытался оправдать от лица всех русских людей молчание России во время Берлинского конгресса, признанного большинством позорным и унижительным для страны. Таким образом, он обнаружил позицию, близкую аксаковской. «Московская дума в начале конгресса хотела подать адрес», но ей было сделано предупреждение, «если только пойдет речь об адресе, то она будет запечатана.../чиновники – Т.Ю./ боялись, что следом за Москвой пойдут адреса отовсюду. И вот Аксакову пришлось одному публично высказать, что чувствовали все простые люди и некоторая часть интеллигентных. Если бы Аксакову сделали...оации, то его сослали бы... очень далеко», - писал Павел Михайлович, объясняя происходящее и проявляя таким образом позицию младшего брата, возглавлявшего в тот период думу, а значит бывшего выразителем позиции московского общества (Переписка И.Н. Крамского, 1953, с.235).

Значимость фигуры Аксакова, публициста и политика, видного общественного деятеля эпохи для московского общества прозвучала и в поступке старшего Третьякова, заказавшего живописный портрет для своей галереи именитых людей России, который был исполнен И.Е. Репиным с Аксакова, находившегося в изгнании, таким образом, была проявлена позиция московского купца, не согласная с позицией петербургского правительства. На портрете художник поставил памятную надпись, увековечив дату и место ссылки: *1878 12 Авг. С. Варварино. И.Р.Ъпинъ*. А 14 августа Аксаков благодарил Павла Михайловича за знакомство с талантливым художником и передавал дружеский поклон Сергею Михайловичу (ОР ГТГ. Ф.1. Ед.хр. 402).

Позиция городского головы в годы русско-турецкой войны не могла быть столь открытой, как позиция старшего Третьякова. История не сохранила сведений, был ли он на заседании, где выступал Аксаков, хотя из Москвы в это время не выезжал. Думается, за Сергея Михайловича ответил его брат, участвовавший в проводах опального политика. Никак не связанный по роду деятельности с царскими чиновниками, старший Третьяков поддержал ссыльного лидера, участвуя «в политической акции» на вокзале. В жизни братьев Третьяковых не раз случалось так, что братья становились «взаимозаменяемы», оказывая поддержку, прежде всего общему делу и – друг другу. Спустя некоторое время, узнав о освобождении Аксакова, П.М. Третьяков его поздравил: «Сегодня у всех почитающих и любящих Вас радость и праздник: Москва получает обратно вождя своего к познанию чести русской и совести – свое лучшее украшение» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 615. Л. 5). О теплых взаимоотношениях можно судить по ответному письму: «... Не знаю как и благодарить вас /.../ за Ваши теплые, дорогие мне строки. Сердечно радуюсь свиданию с Вами, и надеюсь, ... с 1 января вступить в должность. Высоко ценю я Ваше доброе обо мне мнение, но, конечно, не был бы достоин Вашего уважения, если бы и в самом деле признал за собою то значение, которое вы мне приписываете. Дай Бог только быть посылно полезным делу Русской чести и совести, делу правды и гражданского долга» (ОР ГТГ. Ф.1. Ед.хр. 406). Приведенные факты контактов Аксакова и братьев Третьяковых, несомненно, раскрывают общность мировоззренческих позиций.

Выводы

Идейный заряд, принятый Третьяковыми от славянофилов в середине и второй половине столетия, нашел новые «выходы» в их деятельности как представителей московского купечества. Комплекс национально-ориентированных идей, исходящих от славянофильской партии, получил закономерное развитие во второй половине XIX века, преломляясь различным образом в общественном сознании. Дискуссия славянофилов и западников утратила прежнюю злободневность в 1860–1890-е годы, на которые пришлось деловая активность братьев Третьяковых, но общественная жизнь не стала менее активной, напротив, возникшие ранее умственные движения видоизменялись, приобретая множество оттенков. Наравне с прозападными направлениями русской мысли продолжали развитие славянофильские течения почвеннического или самобытного крыла (И.С. Аксаков, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский). Все они поднимали вопросы будущего развития страны и отечественной культуры, пытались разобраться в существе национального своеобразия, во внутренних источниках жизнестойкости русской нации, характере народной религиозности и ее идеалах.

По мысли Достоевского, национальное всегда оказывалось «немножко славянофильским», под которым он понимал веру в самобытное народное начало. Решение любой проблемы вращалось вокруг славянофильских категорий народности, религиозно-национальных корней и идеалов. Достоевский, как, впрочем, и Аксаков, в жизни братьев Третьяковых по степени влияния на их миропонимание занимал совершенно особое место. Дело не в том, что старший Третьяков заказал портрет писателя и восхищался его литературными произведениями, а в духовной близости их воззрений. П.М. Третьяков назвал писателя «нашей общественной совестью» (Переписка И.Н. Крамского, 1953, с. 277). С Достоевским он сверял свои сокровенные помыслы.

Представители третьего сословия были людьми деловыми и практическими; о себе и своей деятельности судили по конкретным поступкам. Вопрос жизненного выбора определялся деяниями во благо Отечества. Для Третьяковых он был решен с молодых лет. Согласно их представлениям, для «истинно русского человека» приоритетными являются общественные и гражданские интересы. Участие П.М. и С.М. Третьяковых в развитии идей славянского единства до недавнего времени неизвестное специалистам, во многом показательно и иллюстрирует их мировоззренческие взгляды. Направление их предпринимательской деятельности, их энергичная общественно-политическая деятельность в борьбе России за освобождение славян выявляют очевидную идеологическую близость с московскими славянофильскими кругами 1860–1880-х годов.

Новая историческая обстановка, в которой действовали Третьяковы, внесла в деятельность славянофилов необходимые перемены: «...ни одного нового деятеля, кого с полным основанием можно было бы назвать славянофилом, они в свой тесный круг не привлекли, хотя отдельные славянофильские идеи прямо или косвенно разделялись многими современниками. Список их мог бы включить в себя несколько десятков имен писателей, журналистов, ученых-славистов, историков, правоведов... деловых людей из промышленных кругов, чиновников государственных учреждений, придворных, членов царской фамилии» (Дудзинская, 1994, с. 12–13). В пореформенное время образовался большой круг лиц, которые не исповедовали всего свода славянофильских умонастроений, и тем более не называли себя славянофилами, но разделяли их взгляды и реализовывали многие их идеи на практике.

За рамками этой статьи осталась собирательская деятельность Третьяковых.

Литература:

1. НИОР РГБ. Ф. 231/II. Картон. 2. Ед. хр. 1. Л. 5 об.
2. ОПИ ГИМ. Ф. 169. Ед. хр. 4. Л. 31, 33, 54, 55, 68.
3. ОР ГТГ. Ф.1. Ед.хр. 401.
4. ОР ГТГ. Ф.1. Ед.хр. 402.
5. ОР ГТГ. Ф.1. Ед.хр. 406.
6. ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3653.
7. ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3772.
8. РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 615. Л. 5.
9. РО ИРЛИ РАН. Ф. 3 Оп. 4. Ед. хр. 616.
10. Анна Тютчева. Воспоминания. (При дворе двух императоров). Под редакцией Л.В.Гладковой. М., «Захаров», 2008. 592 с.
11. Досталь М.Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах. 2000 / РАН, Ин-т славяноведения. М., 2001. С. 85-95.
12. Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Л., 1981. 423 с.
13. Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. 227 с.
14. Зилоти В.П. В доме Третьякова. М., 2016. 560 с.
15. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. СПб., 1896. 298 с.
16. Кириченко Е. Русское купечество и «русский стиль» // Вопросы искусствознания: журнал по истории и теории искусств / Гос. ин-т искусствознания, Международная ассоциация искусствоведов. 1994. № 2/3. С. 242–261
17. Москва–Сербия. Белград–Россия: сборник документов и материалов. Т. 2 : Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград; М., 2011. 940 с.
18. Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М. 2007. 576 с.

19. Ненарокомова Ирина. Павел Третьяков и его галерея. М., 1998. 256 с.
20. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. 360 с.
21. Петров Ю.А. Москва банковская на рубеже XIX–XX веков // Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914 : сборник / под ред. У. Брумфилда, Б. Ананьича, Ю. Петрова. М., 2002. С. 65–78.
22. Переписка И.Н. Крамского : И.Н. Крамской и П.М. Третьяков. 1869–1887 / Подгот. и примеч. С.Н. Гольдштейн. М., 1953. 460 с.
23. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. 568 с.
24. Симонова И.А. Федор Чижов. М., 2002. 279 с.
25. Хевролина В.М. А.А. Киреев о проблеме славянского единства // Славянский альманах. 2000 С. 144–151.
26. Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. Серия «Российские Пропилеи». М., 2007. 614 с.
27. Чичерин Б.Н. Воспоминания: Москва сороковых годов. Путешествие за границу/ предисловие, примечания С.В. Бахрушин. В 2- тт. М., 2010. Т.1. 494 с.
28. Юденкова Т.В. Другой Третьяков. Судьба и коллекция одного из основателей Третьяковской галереи. М., 2012. 392 с.
29. Юденкова Т.В. Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М., 2015. 527 с.

Юденкова Татьяна Витальевна. E-mail: udenkovatv@mail.ru

Дата поступления 07.07.2018

Дата принятия к публикации 10.08.2018

P.M. and S.M. TRETYAKOV'S: IN THE ORBIT OF SLAVOPHILIC MINDSETS

DOI: 10.25629/HC.2018.08.01

YUDENKOVA T.V.

State Tretyakov Gallery. Moscow

Abstract. Formation of the Moscow merchants, the founders of the Tretyakov Gallery of the brothers Pavel and Sergei Tretyakovs, fell on the period of liberalization in the history of Russia in the middle of the 19th century. At this time, Slavophilism and Westernism created the basis for the revival of the national tradition in the development of the country. In the 1850-1860s, the Slavophiles (I.S. Aksakov, A.I. Koshelev, F.V. Chizhov, Yu.F. Samarin, V.A. Cherkasskiy, Prince A.A. Shcherbatov and others) made a bid on Moscow merchants; they developed ways of supporting national industry and banking, strengthening the domestic market. Their policy led to the prosperity of Russian industry and culture at the turn of the 19th and 20th centuries. In line with these processes, the entrepreneurial and public activities of the Tretyakovs, including those with the Slavic Charitable Committee, whose members they were from the late 1860s, gained momentum. The close relation of the Tretyakovs to the Slavophile way of thought is evidenced by the circle of their contacts in the Moscow Duma, and also close contact with I.S. Aksakov.

Keywords: Pavel and Sergey Tretyakovs, textile industry of the 19th century, Slavophilism, Moscow merchants, I.S. Aksakov, Slavophiles, Slavic Charity Committee, Moscow City Duma 1860s-1870s, Russian-Turkish War 1877-1878, Slavophile idea, Balkan crisis.

References:

1. NIOR RGB. F. 231/II. Karton. 2. Ed. khr. 1. L. 5 ob.
2. OPI GIM. F. 169. Ed. khr. 4. L. 31, 33, 54, 55, 68.
3. OR GTG. F.1. Ed.khr. 401.
4. OR GTG. F.1. Ed.khr. 402.
5. OR GTG. F.1. Ed.khr. 406.
6. OR GTG. F. 1. Ed. khr. 3653.
7. OR GTG. F. 1. Ed. khr. 3772.
8. RO IRLI RAN. F. 3. Op. 4. Ed. khr. 615. L. 5.
9. RO IRLI RAN. F. 3 Op. 4. Ed. khr. 616.
10. Anna Tyutcheva. *Vospominaniya. (Pri dvore dvukh imperatorov)* [Memory lane. (At the court of two emperors)]. In L.V.Gladkova (ed.). Moscow, "Zakharov", 2008. 592 p.
11. Dostal' M.Yu. Slavyanskii mir i slavyanskaya ideya v filosofskikh postroeniyakh i "praktike" rannikh slavyanofilov. *Slavyanskii al'manakh* [Slavic world and Slavic idea in philosophical constructions and "practice" of early Slavophiles. *Slavic almans*]. Moscow: RAS, Institute of Slavic studies Publ., 2001, pp. 85-95.
12. Dostoevskii F.M. Dnevnik pisatelya. *Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii* [Writer's diary. *Complete works*]. In 30 vol. V. 23. Leningrad, 1981, 423 p.
13. Dudzinskaya E.A. *Slavyanofily v poreformennoi Rossii* [Slavophiles in post-reform Russia]. Moscow, 1994. 227 p.
14. Ziloti V.P. *V dome Tret'yakova* [In the house of Tretyakov]. Moscow, 2016. 560 p.
15. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters]. Part 2. V. 4. St. Petersburg, 1896, 298 p.
16. Kirichenko E. Russkoe kupechestvo i "russkii stil" [Russian merchant class and "Russian style"]. *Voprosy iskusstvoznaniya: zhurnal po istorii i teorii iskusstv*. 1994, no. 2/3, pp. 242–261.
17. Moskva–Serbiya. Belgrad–Rossiya: sbornik dokumentov i materialov [Moscow-Serbia. Belgrade-Russia: collection of documents and materials]. V. 2 : Obshchestvenno-politicheskie svyazi 1804–1878 gg [Social and political relations 1804-1878]. Belgrad; Moscow, 2011, 940 p.
18. Naidenov N.A. *Vospominaniya o vidennom, slyshannom i ispytannom* [Memories of seen, heard and experienced]. Moscow, 2007, 576 p.
19. Nenarokomova Irina. *Pavel Tret'yakov i ego galereya* [Pavel Tretyakov and his gallery]. Moscow, 1998. 256 p.
20. Nikitin S.A. *Slavyanskije komitety v Rossii v 1858–1876 godakh* [The Slavic committees in Russia in the years 1858-1876]. Moscow, 1960. 360 p.
21. Petrov Yu.A. Moskva bankovskaya na rubezhe XIX–XX vekov [Moscow banking at the turn of XIX-XX centuries]. *Predprinimatel'stvo i gorodskaya kul'tura v Rossii. 1861–1914* [Entrepreneurship and urban culture in Russia. 1861-1914]. In U. Brumfilda, B. Anan'icha, Yu. Petrova (eds.). Moscow, 2002, pp. 65-78.
22. *Perepiska I.N. Kramskogo : I.N. Kramskoi i P.M. Tret'yakov. 1869–1887* [Correspondence I. N. Kramskoy I. N. Kramskoi and Pavel Tretyakov. 1869-1887]. In S.N. Gol'dshtein. Moscow, 1953, 460 p.
23. Pisar'kova L.F. *Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaya дума* [City reforms in Russia and the Moscow Duma]. Moscow, 2010, 568 p.
24. Simonova I.A. *Fedor Chizhov* [Fyodor Chizhov]. Moscow, 2002, 279 p.
25. Khevrolina V.M. A.A. Kireev o probleme slavyanskogo edinstva [A.A. Kireev on the problem of Slavic unity]. *Slavyanskii al'manakh*, 2000, pp. 144–151. (In Russ.).

26. Tsimbaev N.I. *Istoriosofiya na razvalinakh imperii. Seriya "Rossiiskie Propilei"* [Historiosophy on the ruins of the Empire. Series "Russian Propylaea"]. Moscow, 2007, 614 p.

27. Chicherin B.N. *Vospominaniya: Moskva sorokovykh godov. Puteshestvie za granitsu* [Memories: Moscow forties. Travel abroad]. In S.V. Bakhrushin. In 2 vol. Moscow, 2010, V. 1. 494 p.

28. Yudenkova T.V. *Drugoi Tret'yakov. Sud'ba i kolleksiya odnogo iz osnovatelei Tret'ya-kovskoi galerei* [The Other Tretyakov. Fate and collection of one of the founders of the Tretyakov gallery]. Moscow, 2012, 392 p.

29. Yudenkova T.V. *Brat'ya Pavel Mikhailovich i Sergei Mikhailovich Tret'yakovy: miro-vozzrencheskie aspekty kolleksionirovaniya vo vtoroi polovine XIX veka* [Brothers Pavel Mikhailovich and Sergey Tretyakov: worldview aspects of collecting in the second half of the XIX century]. Moscow, 2015, 527 p.

Yudenkova Tatiana Vitalevna. E-mail: udenkovatv@mail.ru

Date of receipt 07.07.2018

Date of acceptance 10.08.2018